

В.Н. Иванов

ТРИ ВОЗРАСТА

*Социолитературный
нарратив*

Вилен Иванов

**Три возраста.
Социолитературный нарратив**

«У Никитских ворот»

2019

УДК 316
ББК 60

Иванов В. Н.

Три возраста. Социолитературный нарратив / В. Н. Иванов — «У Никитских ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-800-1

В этой книге известный социолог и литератор повествует «о времени и о себе». Рассказать о времени – это значит рассказать о людях, его сотворивших, о себе – как об одном из них. В своем повествовании автор использует различные средства, как сугубо научные (социологические), так и литературно-художественные. Прозаическую часть книги, посвященную профессиональной деятельности автора на разных ее этапах, дополняют «раздумья юбиляра», раскрывающие в поэтической форме его ценностные ориентации и житейские предпочтения, его взгляды на вечные проблемы человеческого бытия, его видение прошлого и настоящего. Разумеется, автору, перешагнувшему восьмидесятилетний рубеж и имеющему шестидесятипятилетний стаж служения Отечеству (служба в Вооруженных силах и работа в Академии наук), есть о чем рассказать. Взявший в руки эту книгу – открывайте первую страницу. Будет интересно, памятуя, что и прозаическая, и поэтическая части книги – это литература нон-фикшен.

УДК 316
ББК 60

ISBN 978-5-00095-800-1

© Иванов В. Н., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Предисловие	6
Первый возраст	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вилен Николаевич Иванов
Три возраста:
социолитературный нарратив

© Иванов В. Н., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

Предисловие

Никто не будет отрицать, что 85 лет – это, как теперь говорят, «круто». Это по всем канонам юбилей, который нельзя не заметить и на который нельзя соответствующим образом не отреагировать. (На чем настаивают, кстати сказать, мои сослуживцы.)

*Поставил цель – хочу признаться —
К грядущей дате труд издать,
О совершённом отчитаться
И о коллегах рассказать.*

Какой-то опыт юбилейных повествований мною уже накоплен. Изданы книги: «Откровения», «Юбилей. Заметки социолога», «Люди и годы. Записки социолога». Однако тему нельзя считать исчерпанной.

Юбилей – это в первую очередь воспоминания о прошлом, о делах «давно минувших дней», о делах главным образом. И это их осмысление и оценка с позиций еще более «повзрослевшего» человека. Но чтобы придать воспоминаниям какую-то стройность и логическую последовательность, я решил придерживаться возрастной хронологии. Первый возраст (1934–1974). Второй возраст (1974–2004). Третий возраст (2004–2019). Подобная градация почти совпадает с представлениями автора о молодости, зрелых годах и «третьем возрасте».

Воспоминания. Их много и становится все больше. И все они разные по характеру. Одни могут согревать душу, другие вызывают тревогу и огорчения. У А.С. Пушкина есть такие строчки:

*Того змея воспоминаний,
Того раскаянье грызет.*

«Змея воспоминаний», «раскаяние» за совершенное случайно или по своему «неразумному» умыслу, от чего уже нельзя, хотя и хотелось бы, отказаться. Хорошо, что подобного рода воспоминаний немного. Но они есть. Писать о них или не писать? А вдруг они будут не интересны читателю или, совсем напротив, именно они и будут в первую очередь интересны как нечто поучительное. В общем, как получится.

Прочнее всего запоминается то, что случалось в жизни в первый раз. И речь идет не только о первой любви, о которой все всегда помнят, но и о многом другом. Я вспоминаю, например, свое первое выученное наизусть во 2-м классе сельской уральской начальной школы в эвакуации в годы Великой Отечественной войны стихотворение (первые три части поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»), свое первое опубликованное в стенной газете стихотворение, посвященное В. Маяковскому, получение первого офицерского звания «лейтенант» (1954), свое первое социологическое исследование, проведенное на космодроме Байконур (1964), свою первую статью в сборнике научных работ, посвященных проблемам научного управления, изданном в МГУ им. М.В. Ломоносова (1966), своих первых студентов (школа-студия при МХАТ, 1965–1970), свою первую монографию (ВПА им. В.И. Ленина, 1972), защиту кандидатской (1968) и докторской (1974) диссертаций, свою первую служебную зарубежную командировку (1970, Братислава), свой первый поэтический сборник (2001) и многое другое в этом же ключе. О каждом подобном событии можно было бы написать подробно, но на подобное «расточительство» трудно решиться, хотя упомянуть о многих уже здесь названных событиях в юбилейной книге, конечно, следует.

Меня не оставляет желание как можно полнее рассказать о своих сверстниках, о людях, с которыми мне довелось работать, дружить, спорить и т. д. Тем более что некоторые из них уже ушли. Они, мои сверстники и сослуживцы, не гнались за славой и богатством. Они трудились и служили во имя Отечества, они были детьми своего социалистического времени. Они и есть мои, как говорили в старину, *dramatis personae* – действующие лица моего повествования. Как хорошо сказал недавно ушедший от нас замечательный русский поэт Андрей Дементьев:

*Не важно, кто старше из нас,
Кто – моложе. Важней, что мы сверстники
Трудных времен.
И позже История все подытожит...
Россия слагалась из наших имен.*

Из их (наших) имен слагалась мощь и Советской армии, и Советской науки, и Советского государства.

Воспоминания по большому счету – это часть исторического знания, значение которого трудно переоценить. Идущие вослед должны знать правду о нашем времени, о людях, его создавших. Уместно вспомнить нашего литературного классика Даниила Гранина, высказавшего озабоченность в связи с тем, что «чувство растерянности среди новых поколений, никто не знает о нашей прошлой жизни, о наших героях, кумирах, обычаях, а то, что знают, большей частью искажено, перевернуто, скудные остатки, мало нужное старье»¹. Исправить эту ситуацию еще не поздно и вполне в нашей власти.

Мне интересны и люди молодого возраста. Им предстоит идти дальше, вершить судьбу своей страны. В своих книгах я пытаюсь им рассказать о наших деяниях, передать им свой опыт и знания. Одновременно я учусь у них и даже иногда восхищаюсь ими, а иногда и сочувствую. На их долю выпало жить в жестокое время возрождения капитализма в его довольно примитивных формах. Устоять. Не поддаться чуждым русской ментальности ценностям и жизненным установкам, научиться активно противостоять манипуляторству и ментальному насилию – я им искренне желаю. В основе развития общества лежит преемственность поколений, и эта мысль убеждает меня в необходимости продолжать однажды начатое дело в различных его ипостасях.

Завершает мое повествование стихотворный раздел «Раздумья юбиляра». Этот вполне лирический раздел дополняет уже высказанные в предыдущих разделах книги идеи, придает им некую эмоциональную окраску. В свое время один из крупнейших писателей XX века Х.Л. Борхес определял лирику как «услужливый гимн во славу любовных удач и неудач»². Но это лирика другая. Ее отличает гражданская (социологическая) направленность. Может быть, она сделает книгу более привлекательной для читателя, особенно для молодого, поможет что-то лучше понять и воспринять. Мне очень хотелось, чтобы моя «социологическая лирика» была не только моей по сути, но чтобы в ней нашли свое отражение мысли и чувства моих сверстников, коллег, сослуживцев, чтобы читатель ощутил атмосферу того времени, о котором я написал.

Иногда появляется желание объяснить себе самому *post factum* свое поэтическое творчество. Как назвать, как определить то, что реально «получилось»?

Мне всегда была близка позиция замечательного русского советского поэта Евгения Винокурова, выраженная следующим образом: «Для меня поэзия – это прежде всего мысль. Велико значение музыкального начала, но как велик, как бесконечен смысл, это слово, этот

¹ Гранин Даниил. Жизнь не переделать... М., 2004. С. 7.

² Борхес Хорхе Луис. Новые исследования. М., 2015. С. 266.

«логос», который был в начале всех начал. Мысль не стареет. Молод по-прежнему Данте. Поэзия – верховный акт мысли»³.

Более того, я пытался доказать, что в поэзии в полной мере могут получить отражение наблюдения и выводы, полученные социологами в ходе проводимых ими исследований. Так появился термин «социологическая лирика», и так была названа одна из первых моих более или менее обстоятельных поэтических книг. Но это то, что касается содержания.

Что же касается поэтической формы, то, как мне представляется, наиболее адекватен нынешнему времени поэтического малочтения жанр минимализма, характеризуя который поэт и ученый Ю.И. Минералов написал: «Что такое минимализм?» И ответил: «Замените изначально иностранный термин „минимализм“ на слово „простота“ – вот и все – это одно и то же. В простоте святость и просветление – две высокие цели западной и восточной цивилизаций». И дальше: «То, что коротко, то правдиво, потому, что идет от души»⁴. Простота и краткость. Я готов написать это изречение в качестве эпиграфа к своим стихам, вошедшим в поэтические сборники: «Мысли вслух» (2011), «Четвертушки» (2014), «Рефлексия» (2018) и к своему «Раздумью юбиляра». Именно в этом ключе «случались» (А. Вознесенский) мои написанные в разные годы стихи.

Работая над книгой «От 70 до 100 и далее...», я беседовал со многими «попавшими» в этот возрастной диапазон людьми, и у меня сложились вполне определенные представления об их настроениях и чаяниях. Надеюсь, что в какой-то мере в своих «раздумьях юбиляра» мне удалось их отразить. В какой – судить читателю из «третьего возраста».

Предвижу критику в свой адрес за «жанровую эклектику», за некоторую смысловую непоследовательность в рамках лирического раздела книги. Последняя объяснима, ибо стихи написаны в разное время и отражают настроения автора, которые, как известно, переменчивы. Конечно, критика вероятна не только за это. Очевидна некая «диспропорция» в объеме разных разделов книги. Наиболее объемным и детализированным получился раздел, посвященный «третьему возрасту». Это можно объяснить желанием автора показать, что и в эти «вечерние годы» (Даниил Гранин) многое можно сделать при желании и при соответствующих волевых усилиях. Что-то из написанного в разных разделах книги может вызвать несогласие и возражения, но это обычная история. К тому же ожидаемая критика может оказаться полезной. Такое тоже бывает.

В процесс работы над рукописью я стремился не уходить далеко от уже написанного, периодически ссылаясь на уже изданные книги с тем, чтобы заинтересовавшемуся каким-либо сюжетом или эпизодом читателю можно было бы получить при желании более полную информацию. Итак, то что получилось в целом:

*В какой-то мере – это дайджест,
Но все же большие нарратив.*

Дальше по порядку, в соответствии с замыслом.

³ Русские поэты XX века. М., 2002. С. 236.

⁴ Сайт поэта Минералова Ю.И. URL: <http://mineralov.ru/minimalizm-v-poezii.html> (дата обращения: 13.01.18).

Первый возраст (1934–1974)⁵

*Я один из поколенья этого,
Из поколения детей войны.*

1949 год, 7-й класс средней русской школы № 4 в украинском городе Полтаве. Начало моего взросления. Вступаю в комсомол и принимаю первое самостоятельное решение: пойти по стопам своего отца – кадрового военного, погибшего в годы Великой Отечественной войны, и посвятить себя военному делу. Сыграло свою роль и общее восприятие армии – армии-победительницы в неведомой по масштабам и последствиям в мировой истории войне. Усиленно готовлюсь и поступаю в Киевское артиллерийское подготовительное училище (КАПУ)⁶. Мой брат Владислав к тому времени уже учился в Киевском суворовском военном училище. Военное дело стало нашим семейным делом.

Что сохранила память о трех годах учебы в КАПУ? Общение с офицерами-воспитателями, преподавателями, первое «прикосновение» к литературе (поэзия), участие в военных парадах на Крещатике, Спартакиада суворовских, нахимовских и артиллерийских подготовительных училищ и, конечно, первая любовь.

Офицеры-воспитатели. Следует сказать, что весь учащийся контингент был разбит по военному на батареи: две батареи учащихся в 8-м классе, две – в 9-м, две – в 10-м. Каждая батарея была разбита на взводы, в состав которых входило в среднем 30 человек (все учащиеся имели звание «воспитанник», командиры отделений, на которые делились взвода, имели звание «вице-младший сержант», а помощник командира взвода – «вице-сержант»). Командиры взводов – это и были офицеры-воспитатели, как правило, в звании «майор», командиры батарей имели звание «подполковник». Все офицеры были участниками Великой Отечественной войны, все имели боевые награды. Когда они приходили по торжественным дням в парадной форме со всеми орденами и медалями, мы обычно подсчитывали, у кого из командиров взводов было больше наград, и это было предметом нашей мальчишеской гордости. Нужно сказать, что офицеров-воспитателей отличало подлинно отеческое отношение к воспитанникам. Они не только обучали нас азам военного дела, но и просвещали по многим житейским вопросам, которых по мере нашего взросления становилось все больше. Наказания за нарушения дисциплины были. Самые строгие из них заключались в лишении права на оставление казармы (иначе говоря, увольнения в город) и наряд вне очереди. Все воспитанники несли службу дежурных по расположению батареи. Обязанности дежурных были несложными, но дежурство отвлекало от занятий, пропущенные уроки приходилось наверстывать самостоятельно.

Общение с преподавателями не выходило, как правило, за рамки уроков. Но и уроков было вполне достаточно, чтобы сложилось определенное представление о них и сформировалось соответствующее отношение к тому или иному предмету. Например, большинству воспитанников, моих сверстников, нравилась, как и мне, преподаватель литературы Старинская Людмила Васильевна (Любаня – как мы называли ее в своем кругу). Она преподавала свой предмет вдохновенно, к тому же была молода и миловидна. Все были в нее влюблены. Однако

⁵ См.: Иванов В.Н. Моя эпоха. Люди и события. М., 2009; Он же. Ай гет. М., 2009.

⁶ КАПУ – одно из шести созданных в 1946 году по инициативе И.В. Сталина, считавшего не без основания, что «артиллерия – бог войны», подготовительных артиллерийских училищ. Просуществовало до 1955 года.

как только стала заметна ее беременность, наши чувства стали менее пылкими, к тому же все чаще после ее уроков за ней заходил муж, который изначально нам почему-то не понравился. Она сумела вызвать у нас неподдельный интерес к русской литературе, особенно к поэзии. Ей мы приносили свои первые литературные опыты и выслушивали ее советы и замечания.

Людмилу Васильевну сменил преподаватель с веселой фамилией Шутько Владимир Леонидович. Отличался заметной явной о из обитателей задних парт читает не относящуюся к теме урока книгу, он, ни слова не говоря, забрасывал ее на шкаф. Также молча он мог царственным жестом удалить из класса нарушителя дисциплины. К нему относились с явной симпатией.

Преподаватель истории Яковлев Николай Яковлевич. Вызывал к себе большое уважение своей эрудицией и смелостью, как нам тогда казалось, своих суждений. К тому же он производил большое впечатление своей внушительной внешностью (большой рост и соответствующий ему вес). В среде воспитанников он имел безобидное прозвище Слон. К нему мы обращались со всеми непонятными нам вопросами разного свойства, и он всегда находил убеждающие нас ответы.

Преподаватель математики Маньковский Михаил Моисеевич (Михась – его второе, данное нами, имя) излучал какую-то особую доброту и относился к нам с явным сочувствием, особенно к тем, кому не давалась математика. Он убеждал нас, что именно от знания его предмета зависит наше будущее как офицеров-артиллеристов. С ним, как правило, все соглашались, но на результаты учебы это влияло мало. Помогали дополнительные занятия для отстающих. Он умел их разнообразить, и посещавшие их воспитанники довольно быстро догоняли своих более смысленных в математике товарищей.

Преподаватель танцев Бакумова Людмила Сергеевна. Был и такой предмет в программе нашего образования. Бывшая балерина, она обучала нас главным образом бальным танцам, к которым мы большой симпатии не испытывали, что сказывалось на дисциплине на ее уроках. Но несмотря на наши проделки, она никогда не прибегала к помощи офицеров-воспитателей и старалась поддерживать необходимый уровень дисциплины собственными силами. Мы ценили это и относились к ней с симпатией, но тем не менее преподаваемый ею предмет так и не стал у нас любимым.

Все другие преподаватели были хорошими специалистами своего дела, но как-то в памяти не задержались.

Военные парады на Крещатике. Дважды в год: 1 Мая и 7 Ноября. Во главе колонны КАПУ шел начальник училища генерал-майор артиллерии А.П. Свиридов. Бывший царский генерал, принявший советскую власть и активно участвовавший в ее защите в годы Великой Отечественной войны, о чем свидетельствовали его многочисленные боевые награды. Высокий, сухопарый, в пенсне – всем своим видом демонстрировавший то, что называется «военная косточка». В училище его любили, но слегка побаивались. Знамя училища в течение двух лет нес на парадах участник Великой Отечественной войны, «сын полка», награжденный двумя боевыми медалями. Парады мы, воспитанники, любили, но подготовку к ним любили не очень.

Олимпиада суворовских, нахимовских и артиллерийских подготовительных училищ. Киев, 1951 год. Я входил в сборную команду училища по боксу. Соревнования шли по олимпийской системе (проигравший выбывал). Мне удалось выиграть только первый бой. Дальше я уже только наблюдал за происходящим. К сожалению, среди победителей олимпиады боксеров нашего училища не оказалось, хотя мы активно к ней готовились. Наш тренер, боксер-перворазрядник Борис Порошин, регулярно вывозил нас на «открытый ринг», который функционировал на Подоле (один из районов Киева) на базе какого-то спортивного общества, название которого память не сохранила. Там мы, одержав необходимое число побед, получили третий спортивный разряд и чувствовали себя весьма уверенно. Однако, как показали результаты наших выступлений, явно переоценили свои спортивные возможности. Но наше настроение,

как и настроение всех участников олимпиады, было приподнятое. На олимпиаде царил дух не столько соперничества, сколько военного братства. Помню, мы все болели за ленинградского суворовца, боксера, кажется, среднего веса, которого звали Павел Корчагин. Для нас в то время это имя было символом верного служения социалистическому Отечеству.

Первая любовь. Как писал Сергей Есенин, «все на этом свете из людей песнь любви поют и повторяют». Каждый «поющий» делает это по-своему, и, если он решается рассказать о своем «вокальном» опыте, его обычно слушают с интересом.

Я о своей первой любви написал спустя много лет и честно признал, что мой первый опыт приобщения к этой таинственной и постоянно влекущей к себе сфере был не вполне удачным. Свой рассказ я опубликовал в альманахе «У Никитских ворот». Прочитавшие его друзья упрекнули меня в том, что в рассказе мало деталей. Свою любовную неудачу я попытался объяснить тем, что мне со своей зазубой вскоре пришлось расстаться по независящим от нас причинам⁷.

В мае 1952 года я закончил учебу в КАПУ и выбрал для продолжения своего военного образования 2-е Ленинградское ордена Ленина училище артиллерии большой мощности. Право выбора военного училища предоставлялось медалистам (я был обладателем серебряной медали). В сентябре 1952 года принимаю воинскую присягу, и с этого времени начинается моя настоящая военная служба со всем, что с ней связано. Ее превратности пришлось ощутить довольно скоро. Училище, кроме одного дивизиона, перевели в Коломну. Я оказался в этом дивизионе, которому определили новое место дислокации – Сумское Краснознаменное артиллерийское училище им. М.В. Фрунзе. О пребывании в Ленинграде остались в памяти: экскурсия в Эрмитаж, выезд на полигон, где проходили боевые стрельбы, поездка «на картошку» в один из колхозов Ленинградской области, занятия в секции бокса, танцевальные вечера в училище, знакомство со студентками 1-го курса Лесного института (ныне Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова).

Учеба в Сумском военном училище – это летние лагеря (близ г. Чугуева, рядом с нашим лагерем находилась деревня со знаменитым по известному фильму названием Малиновка), два месяца жизни в палатках, частые занятия в поле, учения. Это зимние «кочующие» лагеря. Ночевать тоже приходилось в палатках. Топили печь по очереди, чтобы она не погасла во время нашего сна. Учились преодолевать трудности. Закалялись. Деревенские в прошлом ребята приспособивались к необычным условиям быта быстрее, городские – явно им уступали.

В эти годы актуальной темой военной учебы было ведение боевых действий с учетом возможного применения противником ядерного оружия. Все курсанты получили секретные тетради, в которые заносились сведения об оружии массового поражения и способах защиты от него.

В марте 1953 года умер Сталин. Всеобщее потрясение. Но уже вскоре мы почувствовали идущее сверху сдержанное отношение к его памяти. Мы заметили, что в Ленинской комнате (так называлась комната, в которой мы проводили досуг и готовились к занятиям по марксистско-ленинской теории), в которой на стенах висели красочно оформленные схемы десяти сталинских ударов, исчезло в названии слово «сталинских». В лекциях по общественным дисциплинам стали весьма редкими ссылки на него.

В училище была богатая библиотека, рассчитанная не только на курсантов и преподавателей, но и на членов семей офицеров училища. Дело в том, что территория училища – это не только учебные корпуса, но и дома офицерского состава, где проживала большая часть офицеров училища. Это был по существу военный городок. По вечерам его обитатели в хорошую погоду выходили на прогулки. Через какое-то время мы уже точно знали в лицо жен своих командиров и преподавателей, а некоторые наиболее любопытные из нас, даже как кого зовут.

⁷ Иванов В. Любовь. Первая и вторая // У Никитских ворот. 2018. № 1. С. 41–44.

За годы учебы удалось прочитать Бальзака, Драйзера, Толстого Л.Н., Мопассана, К. Симонова, Н. Островского.

В начале сентября 1954 года состоялся выпуск курсантов нашего «ленинградского» дивизиона. Поскольку он был укомплектован выпускниками подготовительных артиллерийских училищ и сержантами-сверхсрочниками, срок обучения был сокращен до двух лет. Тем же, кто пришел с «гражданки», приходилось учиться три года.

В торжественной обстановке нам были вручены лейтенантские погоны. Накануне мы облачились в офицерскую форму. Вечером в тот же день был, как положено, банкет в честь выпускников, на котором мы получили право выпить (и не только шампанское) с любимыми преподавателями. Самым любимым на нашем курсе был преподаватель артиллерийской подготовки майор В.И. Гришин. К концу вечера от нашего чрезмерного внимания он еле держался на ногах. Но держался и мужественно продолжал общаться с нами. Может быть, не в такой мере, как преподаватель артиллерии, но безусловно любимым нами был и преподаватель истории партии подполковник А.Б. Гантман. Я вспоминаю его с особой благодарностью, ибо именно он пробудил во мне серьезный интерес к обществознанию. На вечер все выпускники получили право пригласить своих знакомых девушек. В большинстве своем приглашенные оказались студентками педагогического института и были знакомы друг с другом. Атмосфера на вечере была праздничной. Все выпускники понимали, что в их жизни начинается новый этап и чувствовали себя готовыми к нему. Назавтра предстояло распределение по военным округам. Но военная служба чревата неожиданностями. Никакого распределения не последовало. Весь наш курс, теперь уже молодых лейтенантов, был направлен на переучивание в г. Чкалов (ныне Оренбург) на девятимесячные зенитно-артиллерийские курсы. Нужно ли говорить, что подобное решение военного руководства никакого энтузиазма с нашей стороны не вызвало. Но как люди военные, мы понимали, что раз есть такая необходимость, то, стало быть, ей следует подчиниться.

В сентябре 1954 года началась учеба на курсах. Постигали мы премудрости зенитного дела без большого интереса. Но постепенно втянулись, и отношение наше к учебе изменилось. Все закончили курсы успешно. Некоторые мои однокашники успели за это время жениться. Наши ряды холостяков поредели. Среди тех, кто женился первым, оказался Евгений Шифферс (будущий известный театральный деятель). Его семейный очаг стал для многих из нас, его близких товарищей и друзей, часто посещаемым домом. Все мало-мальски значимые в нашей жизни события мы отмечали теперь у него. Было много споров и разговоров на разные темы. Много говорили о нашем будущем и о будущем страны без Сталина. В августе 1955 года мы получили распределение в разные военные округа. Я получил назначение в Белорусский военный округ (БВО), Е. Шифферс – в Прикарпатский (ПВО), и встретиться нам довелось только двенадцать лет спустя в Москве. (Он ставил в «Современнике» спектакль «Народовольцы», я готовил в этом же театре к госэкзамену по научному коммунизму актеров-студентов.)

Во время учебы на курсах не обходилось без происшествий местного масштаба. Однажды вместо положенной по распорядку самоподготовки (обязательные занятия в послеобеденное время) группа моих сокурсников решила отправиться в баню, после которой зашли в ресторан «Урал», считавшийся в то время самым респектабельным в городе. В разгар нашего застолья в ресторане внезапно появился начальник курсов подполковник В.П. Шкурат. Окинув наше пиршество внимательным взглядом, он сразу же удалился. Продолжение последовало на другой день. На построении перед началом занятий он заявил, что вчера группа слушателей курсов предпочла самоподготовке посещение ресторана, и повелел «посетителям» выйти из строя. Мы все шестеро дружно вышли, и тут же всем был объявлен в воспитательных целях выговор. Но для меня этим дело не кончилось. В этот же день я был вызван в политотдел училища к помощнику начальника политотдела по комсомольской работе старшему лейтенанту А.П. Котову. На курсах у нас существовала комсомольская организация (все молодые лейтенанты

были комсомольцами). Я был ее секретарем. В беседе со мной А.П. Котов высказал соображение, что, нарушив воинскую дисциплину, я потерял моральное право ее возглавлять. Я не возражал. Возразили мои сокурсники на состоявшемся вскоре комсомольском собрании. Впрочем, он не настаивал на своем предложении освободить меня от секретарских обязанностей. Я остался в прежнем качестве. Дисциплинарное взыскание с меня, как и со всех провинившихся, было снято накануне выпуска. Объявляя об этом, В.П. Шкурат сказал: «Пусть это первое ваше офицерское взыскание будет и последним». (Так оно и получилось.)

Однако мир, как известно, тесен. С бывшим начальником курсов мне довелось встретиться вновь в 1964 году, когда наш курс слушателей факультета ракетных войск стратегического назначения ВПА им. В.И. Ленина проходил стажировку на космодроме Байконур. Он не узнал меня. Пришлось напомнить. Мы очень мило побеседовали. Он в свое время закончил ракетную академию им. Ф.Э. Дзержинского (ныне Военная академия РВСН им. Петра Великого) и тепло вспоминал Москву и годы учебы. Он был почему-то в прежнем звании и, предвосхищая мои вопросы, сказал: «Отбываю ссылку».

С А.П. Котовым встреча произошла еще раньше. Когда я в 1961 году поступил в ВПА им. В.И. Ленина, он уже учился на третьем курсе. Мы обрадовались друг другу. Вспомнили «дела давно минувших дней». Я побывал у него в гостях. Мы оба жили в общежитии академии на Большой Пироговской. Он – в семейном общежитии, я – в общежитии для холостяков. По окончании учебы он получил назначение в комсомольский отдел ГлавПУРа. Мы изредка встречались, чаще перезванивались. Сказывалась наша большая занятость по службе. И вдруг А.П. Котов «исчез» и объявился в Москве уже только в 1977 году. Оказалось, он за это время успел закончить еще одну академию, поработать в советском посольстве в США, а затем в той же должности в Турции. Но что-то там не сложилось. Он вернулся в Москву и был уволен в запас. Мы встретились. Он выразил желание, используя свои обширные знания, потрудиться на ниве науки. Я его желание поддержал. Через какое-то время по моей рекомендации он был принят на работу в закрытый отдел ИСИ АН СССР.

Моя белорусская «пятилетка» была наполнена интересными событиями и запомнившимися делами. На командной должности в мотострелковом полку, куда я был направлен в соответствии с решением командования БВО, мне довелось пробыть недолго. По настоятельному совету начальника политотдела дивизии, в которую входил данный полк, я перешел на комсомольскую работу, но уже в артиллерийский полк, что изначально было мне гораздо ближе, прежде всего, в профессиональном отношении. (Следует отметить, что речь идет об одной из самых прославленных дивизий Советской армии. Об этом говорит ее наименование: 55-я гвардейская ордена Ленина, трижды Краснознаменная, ордена Суворова II степени, Иркутско-Пинская, имени Верховного Совета РСФСР мотострелковая дивизия.) Вначале на должность секретаря комсомольской организации артиллерийского дивизиона, затем секретаря комсомольской организации полка. Артиллерийский полк, в котором мне довелось служить, в течение ряда лет был в передовых по всем основным показателям боевой и политической подготовки. Была замечена начальством и комсомольская работа, проводимая в полку. Через какое-то время я был назначен помощником начальника политотдела дивизии по комсомольской работе, а через полтора года – помощником начальника политотдела 28-й общевойсковой армии, в состав которой эта дивизия входила.

Работа спорилась. Было много интересных дел и начинаний, получивших весьма высокие оценки Политуправления БВО, партийного и комсомольского руководства республики. Я был награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР и Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, избран в бюро Гродненского обкома комсомола и в члены ЦК ЛКСМБ. В 1956 году был принят в члены КПСС.

Весной 1961 года сдал отборочные экзамены, организованные Управлением кадров Белорусского военного округа, для поступления в Военно-политическую академию им. В.И.

Ленина. Во время экзаменов все абитуриенты испытали огромную радость: состоялся полет в космос Ю.А. Гагарина, кстати, нашего сверстника. Наше приподнятое настроение сказалось на результатах сдаваемых экзаменов. Принимающие их преподаватели так же, как и мы, находились в восторженном состоянии и были более снисходительны к нашим ответам. В июле месяце успел принять участие в командно-штабных учениях, которые проводились на базе 28-й армии совместно с Войском Польским (дивизия им. Тадеуша Костюшко). Должен сказать, что у нас сложились добрые отношения с польскими офицерами. В составе польской дивизии были еще офицеры, участвовавшие во Второй мировой войне и помнившие традиции боевого братства с советскими воинами.

В августе 1961 года я успешно сдал вступительные экзамены в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина и был зачислен на первый курс факультета ракетных войск стратегического назначения. В 1965 году я завершил учебу с отличием. Совместно с выпускниками других академий мне довелось побывать на приеме в Кремле. Это был первый прием после смещения Н. Хрущева. Впервые выпускников пригласили в Кремль с женами. Я тоже получил приглашение на два лица. Но в то время серьезной кандидатуры на «должность» супруги не было, а с несерьезной было как-то неловко появляться в Кремле. Я был на приеме в одиночестве, и стул рядом со мной пустовал. Выпускники военных академий фотографировались в Георгиевском зале с прославленными военачальниками – Маршалами Советского Союза Р.Я. Малиновским, А.А. Гречко, С.М. Буденным, И.Х. Баграмяном, А.И. Еременко, главным маршалом авиации К.А. Вершининым, главным маршалом бронетанковых войск П.А. Ротмистровым и другими. На приеме кроме руководителей партии, правительства и военачальников были ученые, космонавты, видные деятели литературы и искусства. Председательствовал А.Н. Косыгин, председатель Совета министров СССР, выступал с приветствием Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Состоялся всем понравившийся концерт. Большим вниманием (особенно у жен выпускников) пользовался Климент Ефремович Ворошилов. На выходе его окружили плотным кольцом, всем хотелось посмотреть поближе на легендарного человека, стоявшего у истоков советской власти. (Во второй раз я был на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий в 1970 году, уже будучи преподавателем академии. Прием был во всех отношениях намного скромнее.)

Учеба в академии не только дала высшее образование, но и пробудила серьезный интерес к науке. С первого и до последнего курса я занимался в военно-научном обществе (военно-философская проблематика). Я с благодарностью вспоминаю своих научных наставников, и в первую очередь начальника кафедры военной экономики, д. э. н., профессора генерал-майора А.А. Корниенко. Он был научным руководителем моей первой научной «студенческой» работы «Экономические основы военной доктрины ФРГ». Работа получила высокую оценку, и он предложил мне поступить в адъюнктуру по кафедре военной экономики. Сомнения по этому поводу мне помог преодолеть адъюнкт этой кафедры майор В.Д. Королев (будущий начальник кафедры, д. э. н., профессор, генерал-майор). Я дал согласие, но ГлавПУР не выделил ставки на эту кафедру. Ставки были выделены (сразу три) по кафедре научного коммунизма. По этой кафедре я поступил в этом же (1965) году в адъюнктуру этой же академии. После того как на Ученом совете была утверждена тема моей кандидатской диссертации, посвященной проблеме научного руководства защитой социалистического общества, состоялась моя беседа с начальником академии генерал-полковником А.С. Желтовым. Его интересовало, о чем это я, будучи всего лишь в звании майора и не имея большого опыта военного руководства, собираюсь писать. Я как мог убедил его, что речь не идет об управлении боевой деятельностью войск, что речь идет о научных основах организации вооруженной защиты социалистического общества в мирных условиях. Добро было получено. Я засел за работу, и уже весной 1966 года появилась моя первая адъюнктская публикация в сборнике научных статей, изданном в МГУ им. М.В. Ломоносова. Этой публикации предшествовали беседы-консультации с профессором

В.Г. Афанасьевым (АОН при ЦК КПСС) и профессором В.А. Фоминой (МГУ им. М.В. Ломоносова), высказавшими интересные соображения на этот счет. Вскоре с благословения моего научного руководителя доктора философских наук генерал-майора Е.Ф. Сулимова вышла моя статья в «Трудах ВПА им. В.И. Ленина» и брошюра. Обе работы были посвящены проблемам научного руководства и управления в Вооруженных Силах. В них были сделаны первые, весьма робкие попытки использовать данные социологических наблюдений. В 1967 году я был принят в Советскую социологическую ассоциацию. В апреле 1968 года состоялась защита моей кандидатской диссертации. Прошла она весьма успешно и я был назначен преподавателем кафедры научного коммунизма. Этот предмет выносился на госэкзамен в вузах и был в то время в большой чести.

Годы учебы в адъюнктуре вспоминаются как счастливые годы. Возможность всецело отдаться интересному, творческому делу в условиях, когда и научный поиск, и быт были хорошо организованы. Мы, адъюнкты, ценили это очень высоко. Библиотека в общежитии, библиотека в академии, Ленинская библиотека, обязательное посещение лекций профессоров, регулярные встречи с научными руководителями (не только в академии), участие в конференциях, симпозиумах, семинарах (чаще всего в МГУ им. М.В. Ломоносова и Академии общественных наук при ЦК КПСС), выступления в трудовых коллективах в качестве лекторов по линии Всесоюзного общества «Знание» и т. д.

У каждого адъюнкта была отдельная комната, на первом этаже общежития – буфет с горячими блюдами. И пусть ассортимент последних был невелик (в основном сардельки с гарниром), но зато ходить никуда не надо было и не надо было тратить время на поиски пропитания. Изредка мы объединяли свои кулинарные усилия, закупали продукты на Усачевском рынке и готовили себе сами. Иногда нам помогали в этом студентки Первого медицинского института (их общежитие находилось рядом на Малой Пироговской улице). Нужно сказать, что порядки у нас были довольно либеральные. В гости к нам можно было приходить. Конечно, по приглашению и гостей следовало встречать и провожать.

Адъюнкты, как, кстати, и слушатели академии, получали то же денежное содержание, которое им причиталось до поступления в академию. Так что учеба никак не сказывалась на материальном положении ни слушателей, ни адъюнктов.

Почти все адъюнкты были заядлыми театрами. Помогали друг другу в приобретении дефицитных билетов. Иногда по субботам посещали танцевальные вечера в ЦДСА им. М.В. Фрунзе. И хотя рядом находился стадион в Лужниках, на футбол никто не ходил, но на физзарядку в парк у Новодевичьего монастыря ходили регулярно.

Вспоминаются два события во время моей учебы уже на ее заключительном этапе (1968 год). 27 марта трагически погиб Ю.А. Гагарин. Для нас он был особенно близким человеком. Он был нашим сверстником и нашим коллегой. Я помню, как он приезжал в общежитие слушателей ВПА им. В.И. Ленина к кому-то из своих бывших сослуживцев. Несмотря на свою всемирную славу, он оставался простым и скромным человеком, что мы особенно ценили. Это был траурный для нас день (как и для всей страны).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.